

Концепт хээсн 'котел' в лингвокультуре калмыков

Галина Б. Есенова, Тамара С. Есенова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

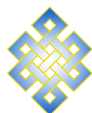
В статье анализируется концепт «хээсн» 'котел' в калмыцкой лингвокультуре (понятийное, образное и ценностное содержание). Языковой материал исследования получен из словарей калмыцкого языка, словарей бурятского и халха-монгольского языков, а также материалов эссе, написанных респондентами-калмыками для исследования в 2025 г.

Установлено, что в калмыцком языке концепт «хээсн» 'котел' имеет разнообразные обозначения, характеризующие его функции, размер, форму, цвет, материал. Номинантом концепта является имя существительное «хээсн», в современном языке не имеющее ограничений в дистрибуции и исторической перспективе. Понятийное содержание концепта: универсальный предмет посуды, реализующий как утилитарную, социальную, так и символическую функции. Образная составляющая концепта: большой, устойчивый, чугунный, черный, многофункциональный предмет для приготовления молочного чая, мяса, араки. Ценностный компонент концепта: значимый элемент картины мира калмыков, локально связанный с очагом, сакральным местом жилища. В калмыцкой культуре положительно оцениваются такие признаки «хээсн» 'котла', как «полный» и «большой», выступающие знаками благополучия, щедрости, хозяйственной состоятельности человека. «Пустой котел» понимается как знак бедности, негостеприимства, социальной неполноценности хозяина; через черный цвет котла негативно оценивается моральный облик человека. Концепт «хээсн» является культурным знаком, в котором отражаются базовые представления калмыков о жизни, пище и социальной норме.

Заключается, что концепт «хээсн» 'котел' в калмыцкой лингвокультуре прошел длительный процесс осмысления: от предмета посуды до «знака человеческих качеств». Зооморфные метафоры, метафоры «цвета», «количества», «полноты», орнитологические образы, а также предметы кочевого быта, осмысленные в устойчивых выражениях с участием вербализаторов концепта, свидетельствуют об оригинальности образного мышления кочевников-степняков и значимом месте концепта «хээсн» 'котел' в картине мира калмыцкого народа.

Ключевые слова: концепт; лингвокультура; калмыцкий язык; калмыки; калмыцкая культура; кочевая культура; хээсн; котел; материальная культура; гостеприимство

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования:

Есенова Г. Б., Есенова Т. С. Концепт хээсн 'котел' в лингвокультуре калмыков // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 400-416. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.23>

Есенова Галина Борисовна — кандидат филологических наук, ведущий специалист научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовиков. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_gb@gmail.com

Есенова Тамара Саранговна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовиков. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_ts@mail.ru

mail.ru

***Khääsn* ‘cauldron’ as a Concept in the Linguoculture of the Kalmyks**

Galina B. Esenova, Tamara S. Esenova

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

The article analyzes the concept “*khääsn*” ‘cauldron’ in Kalmyk linguoculture, focusing on its conceptual, figurative, and axiological dimensions. The linguistic material for the study is drawn from dictionaries of the Kalmyk language, dictionaries of Buryat and Khalkha Mongolian, as well as essays written by Kalmyk respondents in 2025. The study establishes that in Kalmyk the concept “*khääsn*” ‘cauldron’ has a variety of designations that characterize its functions, size, shape, color, and material. The nominative unit of the concept is the noun “*khääsn*”, which in contemporary usage has no restrictions in distribution or historical perspective. The conceptual content of the term is that of a universal vessel which simultaneously performs utilitarian, social, and symbolic functions.

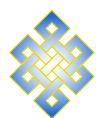
The figurative component of the concept comprises a large, stable, cast-iron, black, multifunctional item used for preparing milk tea, meat, and *araka*. Its value component is that of a significant element in the Kalmyk worldview, locally connected with the hearth as the sacred place of the dwelling. In Kalmyk culture, such features of “*khääsn*” ‘cauldron’ as “full” and “large” are positively evaluated as signs of prosperity, generosity, and the economic competence of the owner. A “empty cauldron” is interpreted as a sign of poverty, lack of hospitality, and social deficiency of the host; the black color of the cauldron can be associated with a negative moral evaluation of a person. The concept “*khääsn*” functions as a cultural sign that reflects basic Kalmyk ideas about life, food, and social norm.

The article concludes that the concept “*khääsn*” ‘cauldron’ in Kalmyk linguoculture has undergone a long process of reinterpretation, from a household vessel to a “sign of human qualities.” Zoomorphic metaphors, color, quantity, and fullness metaphors, ornithological images, as well as items of nomadic everyday life, which are conceptualized in stable expressions with the participation of verbalizers of the concept, testify to the originality of the figurative thinking of steppe nomads and to the significant place of the concept “*khääsn*” ‘cauldron’ in the worldview of the Kalmyk people.

Keywords: concept; linguoculture; Kalmyk language; Kalmyks; Kalmyk culture; nomadic culture; *khääsn*; cauldron; material culture; hospitality

Financing

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00703 «Research on Turkic and Mongolian Material Culture Vocabulary Related to Household Utensils and Dishes: A Comparative Historical Aspect».

For citation:

Esenova G. B. and Esenova T. S. *Khääsn* ‘cauldron’ as a Concept in the Linguoculture of the Kalmyks. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 400-416. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.23>

ESENOVA, Galina Borisovna, Candidate of Philology, Leading Specialist, Scientific Department, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin Str., 358000, Elista, Russia. E-mail: esenova_gb@gmail.com

ORCID: 0009-0004-3001-0100

Esenova, Tamara Sarangovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin Str., 358000, Elista, Russia. E-mail: esenova_ts@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7655-7751

Введение

Актуальность статьи определяется интересом современной науки к изучению концептов материальной культуры как важной составляющей картины мира этноса. В отличие от концептов, выражающих определенные идеи, предметные концепты имеют конкретную денотативную основу, однако их содержание не исчерпывается утилитарной функцией. Такие концепты содержат совокупность представлений, обусловленных практикой использования предмета в ежедневном обиходе, его символикой и культурной ценностью (Карасик, 2002; и др.¹).

Специфика предметных концептов заключается в их природе: с одной стороны, они связаны с материальной деятельностью человека, с другой — выступают как носители культурных смыслов, «сгустки культуры в сознании человека» (Степанов, 2004: 42). Наиболее ярко эта особенность проявляется в культуре кочевников, у которых ограниченный набор вещей выполняет широкий спектр функций. Из-за кочевого образа жизни утварь nomadов должна быть универсальной, прочной и мобильной. А так как пища является базовой потребностью человека, посуда, связанная с приготовлением еды, используясь ежедневно для разных функций, занимает значительное место в их жизни. Посуда участвует и в выполнении человеком важных социальных функций: гостеприимстве, поддержании родственных отношений, распределении пищи. Именно поэтому в лингвокультурологии предметы посуды рассматриваются как концепты, которые отражают базовые ценности этноса (Wierzbicka, 1992), а их обозначения — как важные единицы языковой картины мира (Sharifan, 2011, 2017), участвующие в символике традиционной культуры (Эрдниева, 1985; Эрендженов, 1980; Жуковская, 2002; Ользеева, 2003; Бадмаев, 2005; Душан, 2016; и др.).

Среди предметов домашней утвари, связанной с приготовлением пищи, у кочевников особенно ценится котел, который имел разные названия в разных языках. В большинстве монгольских языков этот предмет обозначается именем существительным *тогоон*, которое восходит к старописьменному «ТОУУАН [*toyu-yan]: халх.², бур.³ *тогоон*, бао.⁴ *тубун* (*тэхон*), даг.⁵ *тувā* (*тугā*), дунс.⁶ *тубан*, мнгр.⁷ *туᠮᠣᠨ* 'котёл'»⁸; в тюркских языках обозначается именем существительным *паш* 'чугунная чаша, котел' — в тофаларском, сойотском, хакасском, тувинском языках⁹, *казан* — алтайском, башкирском, казахском языках¹⁰.

Концепт *хээн* 'котел' в калмыцкой лингвокультуре занимает важное место, что определяется его связью с потребностной и социальной сферами, а пространственно через огонь/очаг — с сакральным местом жилища. Концепт *хээн* осмыслен в практике гостеприимства, социальной коммуникации и представлен в разных языковых единицах (словах, словосочетаниях, пословицах, поговорках, загадках, эпическом тексте и др.).

Цель статьи — лингвокультурологический анализ концепта *хээн* 'котел'. Задачи исследования: а) анализ понятийного содержания концепта *хээн* 'котел' в калмыцком языке, б) изучение его образного компонента, в) анализ ценностной составляющей ментального объекта *хээн* 'котел'.

Историография темы свидетельствует о существующем интересе ученых к исследованию названий посуды и домашней утвари в калмыцком языке (Рассадин, 2017; Мулаева, 2018; Трофимова, Мухаринов, 2025), однако концепт *хээн* до настоящего времени не становился объектом специального лингвокультурологического анализа. Это определяет научную новизну и актуальность проведенного анализа.

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие. М.: Academia, 2001.

² халх. — халхаский язык.

³ бур. — бурятский язык.

⁴ бао — баоаньский язык.

⁵ даг. — дагурский язык.

⁶ дунс. — дунсянский язык.

⁷ мнгр. — монгорский язык.

⁸ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3. С. 168.

⁹ Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2022. С. 51.

¹⁰ Баскаков Н. А. Русско-алтайский словарь. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1964. С. 261; Русско-башкирский словарь: в 2 т. / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. С. 439; Бектаев К. Б. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы: Издательство «Алтын Казына», 1999. С. 558.

Теоретико-методологическую базу исследования составили положения этнолингвистики о связи предметных концептов с материальной культурой и традиционным бытом (Толстой, 1995), лингвоконцептологии о языке как о средстве хранения и репрезентации культуры (Воркачев, 2004; Карасик, 2009; Красавский, 2001; Ламажаа, 2023; Слышкин, 2004; Степанов, 2004, 2007; Wierzbicka, 1992; Sharifian, 2011, 2017).

Языковой материал исследования составили данные, извлеченные методом сплошной выборки из имеющихся словарей калмыцкого языка¹, в необходимых случаях — из словарей бурятского и халха-монгольского языков², а также материалы эссе, отражающие функционирование концепта в сознании современных носителей калмыцкой лингвокультуры. Организация написания эссе проводилась в г. Элисте в ноябре 2025 г.; участвовало 16 женщин и 15 мужчин в возрасте от 41 до 82 лет, представляющие разные социальные слои (пенсионеры, работники аграрной, образовательной, торговой, правоохранительной, медицинской и др. сфер). Им было предложено написать мини-сочинение на калмыцком языке на тему «*Хэасн тускар санхла, ухандм орна...*». Когда я думаю о котле, я представляю себе...». Подобный подход уже использовался авторами для анализа других концептов (Есенова Г. Б., Есенова Т. С., 2025).

Собранный языковой материал исследовался с привлечением лексико-семантического, дистрибутивного, компонентного и интерпретативного методов анализа.

Анализ понятийного содержания концепта

Лексико-семантический анализ собранного методом сплошной выборки языкового материала позволил установить номинативное поле ментального образования *хэасн* 'котел'. Оно включает *хэасн* 'котел'³, *бакрсн* 'котел'⁴, *бакрсн* 'котел плоскодонный'⁵, *таңг* 'котел'⁶, *бакрсн (бакрсн)* 'котел с плоским дном'⁷, *лоңх* 'медный котел'⁸, *цө хэасн* 'чугунный котел'⁹, *тавг хэасн* — *төмр тулһта хот кедг ик, гүн*

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016.

² Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV; Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улаан-Удэ: «Республикын хэблэлэй үйлэдбэри» гжэ бүлгэмэй хэблэл, 2006.

³ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 587; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 178; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 395; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 360; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 344; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 130; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283-284.

⁴ Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 178; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 46; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 90; Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 78.

⁵ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 78.

⁶ Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 178.

⁷ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 46; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 126; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 280.

⁸ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 128; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 638.

йоралта, төгрг сав 'большой круглый, с глубоким дном котел для приготовления пищи, установленный на железном треножнике'¹. П. Смирнов, автор русско-калмыцкого словаря середины XIX в., приводит два слова для обозначения разных по размерам котлов: *хаисун* 'большой котел' и *тоһон* 'малый котел'². Имеющиеся словари калмыцкого языка лексему *тоһон* не фиксируют; отметим, что в родственных халха-монгольском и бурятском языках этот вид посуды обозначается *тогоо(н)*³.

Как видим, среди обозначений концепта есть единицы, которые в современной разговорной речи калмыков не употребляются и не регистрируются некоторыми источниками (*таңз, лоңх, тоһон*); отмечаются различия в семантике некоторых единиц (*бакрсн*); сочетанием существительного *хаасн* с другими словами обозначаются разновидности *хаасн* — все это свидетельствует о длительном процессе осмысления данного концепта калмыцким языковым сознанием. По нашему мнению, в калмыцком языке номинантом изучаемого концепта является имя существительное *хаасн*, поскольку оно используется в разных сферах и стилях, образует словосочетания, детализирующие разновидности *хаасн* и обозначающие важнейшие действия человека, связанные с ним.

Согласно лексикографическим источникам калмыцкого языка, *хаасн* имеет значение 'котел'⁴. В «Толковом словаре традиционного быта калмыков» и «Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и калмыков» *хаасн* определяется как 'котел', 'чугунная посуда для приготовления пищи'⁵.

Данная лексема употребляется с именами прилагательными (*ик хаасн* 'большой котел'), числительными (*нег хаасн* 'один котел'), местоимениями (*мана хаасн* 'наш котел'), глаголами (*хаас нерх* 'ставить котел'); в художественных (*Ца көвәһәрн көөстәд, хаасн дотран зөв эргәд шишгәд бәәнә — Эрнжәнә К.* 'Чай по краям стал закипать, в котле перемешиваясь по правой стороне — Эрндженов К.⁶), разговорных (*кезәнә хальмгуд өрүн болһн хаасндан ца буслһдг билә* 'раньше калмыки каждое утро в котле чай варили'⁷), фольклорных (*хойр хөөнә толһа нег хааснд чандг уга* 'головы двух овец в одном котле не варят'⁸), научных (*эрк биш гер болһнд бәәдг юмнь — цө хаасн, түүндән цуг шалдрң хотан кедг* 'в каждом доме то, что есть, — чугунный котел, в нем готовили все виды жидкой пищи', см.: Амулакова, 2003: 14) текстах. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» слово *хаасн* встречается 5 раз (Тодаева, 1976: 453).

Лексема *хаасн* может сочетаться с другими словами для обозначения разновидностей данного вида посуды: *цө хаасн* 'чугунный котел', *тавг хаасн* — *төмр тулһта хот кедг ик, гүн йоралта, төгрг сав* 'большой круглый, с глубоким дном котел для приготовления пищи, установленный на железном треножнике'¹⁰. В языке ойратов Синьцзяна путем сочетания данной лексемы со словом *тулһа*

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

² Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. С. 176.

³ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV. С. 1373; Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улаан-Удэ: «Республикын хэблэлэй үйлэдбэри» гэжэ бүлгэмэй хэблэл, 2006. С. 241.

⁴ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 587; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 344; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 360; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 178; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 395.

⁵ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 130; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283–284.

⁶ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 360.

⁷ Полевые материалы Т. С. Есеновой, 1999 г.

⁸ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. С. 587.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 638.

¹⁰ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129.

образуется бином *хээсен-тулһа* 'хозяйственная утварь, домашняя утварь'¹, т. е. отмечается расширение значения исходного слова.

На базе лексемы *хээсн* образуются глагольные словосочетания: *хээс нерх* 'ставить котел'; *хээс бэрх* а) 'заниматься стряпней, готовить кушанье'; б) 'быть поваром'². О важности понятия, обозначенного лексемой *хээсн*, свидетельствует активное использование слова в фольклоре калмыков. Так, в загадке *Хээснь бичкн, хашнь амтәхн* 'Котел маленький, каша вкусная (ухан ум)'³, в пословице *Эврәннь махан күүнә хээснд чанулх* 'Позволять кому-либо обижать близкого человека, позволять кому-либо издеваться над ближним (букв. 'свое мясо давать варить в чужом котле')'⁴ прослеживается перенос значения. Таким образом, в лексеме *хээсн* отмечается переход от предметного значения к культурному.

Этнографические данные подтверждают ключевую роль *хээсн* в традиционном быту калмыков. По сведениям этнографов, культурологов, в прошлом в каждой калмыцкой семье имелся чугунный котел, в котором готовили все блюда (Эрдниев, 1985: 178; Амулакова, 2013: 14). «Самая необходимая посуда всякой калмыцкой семьи — чугунный котел (хайсун), который служил для варения всякой пищи» (Житецкий, 1893: 7). «Лишь богатые семьи имели особые котелки для чая» (Эрдниев, 1985: 178), *цяигин хайсын* 'котел для чая' (Житецкий, 1893: 7). В. И. Рассадин отмечает, что пища у монгольских народов, в том числе и калмыков, готовилась попеременно в одном котле, который использовался для приготовления всех блюд (Рассадин, 2017: 98) (фото 1).

Фото 1. Хээсн 'котел' из коллекции Национального музея Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова. Фото Т. С. Есеновой, 2026 г.

Photo 1. Khääsn 'cauldron' from the collection of the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Palmov.

Photo by T. S. Esenova, 2026.

¹ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 395.

² Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 587.

³ Там же.

⁴ Там же.

Ключевое место котла в культуре калмыков-кочевников обусловлено его многофункциональностью: он обеспечивал практически все основные пищевые процессы в традиционном хозяйстве скотоводов. Прежде всего, *хээсн* ежедневно использовался для приготовления чая, самого излюбленного напитка нашего народа, который варят по особому рецепту с добавлением соли, масла, заварки, молока. Монгольские народы относят молочный чай к *цахан идэн* 'белой пище', в связи с сакральностью белого цвета в культуре монгольских этносов чай оценивается как благословенный напиток, а предмет посуды, в котором он готовится, — как счастливый сосуд с благословенной *цахан идэн* 'белой пищей'.

В том же котле калмыки варили мясо, основную пищу скотоводов. В котле «баранина всегда занимает две трети котла, а остальное — вода... <...> обилие мяса дает вкусный суп», — писал П. Смирнов (Смирнов, 1999: 68).

Кроме того, в *хээсн* калмыки гнали молочную водку *араку*, которой отводится важное место в обрядовой практике. Так, *араку* использовали в мероприятиях жизненного цикла, в частности, при сватовстве. *Күүкнд эрк зөөлһн* 'сватовство' проходило в несколько этапов, которые назывались *нег бортх эрк* 'одна кожаная фляга араки', *хойр бортх эрк* 'две кожаные фляги араки', *хурвн бортх эрк* 'три кожаные фляги араки'.

Центральным элементом сложной системы варения араки был котел: *Чигэг ик хээснд кеһэд, дорнь хал түлэд, буслһад, уурнь цорһин нүкэр гүүһэд, оңһица киитн уснд тэвсн бэкрснд дусад, эрк болна* 'В большой котел наливают кумыс и ставят на огонь. Когда кумыс закипает, пар по перегонной трубе стекает в плоскодонный котел, установленный в корыте с холодной водой, где он охлаждается и получается водка-арака'¹. В данном описании можно отметить обозначения, называющие разные котлы: *ик хээсн* 'большой котел' и *бэкрсн* 'плоскодонный котел'.

И. Житецкий называет следующие предметы, используемые в процессе варения араки: большой чугунный котел (*арькин хайсын*), малый котел (*арькин бакрыс хайсын*), деревянные крышки (*бюркесен*), искривлённый деревянный полый цилиндр (*цорго*), деревянное корыто (*онгоцо*), сбитое из досок и играющее роль холодильника; *амсур* — маленькая палочка в палец толщиной, в расщелине одного конца которой продет пучок шерсти; посредством *амсура*, проводимого в меньшее отверстие малого котла, узнают, готова ли водка. Полный комплект посуды для варения араки был у более или менее состоятельных калмыков. У бедняков приспособления для винокурения были по частям (Житецкий, 1893: 8).

По свидетельству П. Смирнова, «однихотонцы, узнавши, что в какой-нибудь кибитке "сидят водку", без приглашения приходят и садятся полукругом около котла. <...> Когда "тепленькое" бывает готово, то хозяин обязан угостить всех присутствовавших при винокурении настолько, насколько хватит всего количества выделенной водки» (Смирнов, 1999: 68). Значит, котел, вокруг которого собираются люди, становится символом единения, а угощение содержимым котла — знаком щедрости, гостеприимства. Следовательно, котел в культуре калмыков не только предмет, в котором готовится пища, он имеет особую функцию — производство напитков, имеющих социальное значение: объединение людей и совместная трапеза. Социальная функция *хээсн* иллюстрируется в фольклорных текстах, усиливая аксиологический аспект концепта, о котором более подробно будет сказано в соответствующем разделе статьи.

Еще об одной функции котла сообщает автор XIX в.:

«Проезжая степями по местам, где сидели *хотоны*, можно с достоверностью определить, сколько котлов молока перегнано в водку. При винокурении на каждый котел из глины делают круглые пирамидки. <...> глиняную пирамидку снимают с отверстия, сушат под котлом и хранят в кибитке. В случае перекочевки в другое место сухие пирамидки оставляют на местах прежних кочевков — в доказательство благополучия, которым на тех местах пользовались как стада, так и сами скотоводы» (Смирнов, 1999: 68).

Здесь функция котла — мера содержимого.

Итак, в калмыцком языке концепт *хээсн* имеет разнообразные обозначения (*хээсн*, *тэңг*, *бэкрсн*, *бакрсн*, *лоңх*, *цө хээсн*, *тавг хээсн*), именем концепта является имя существительное *хээсн*, нейтраль-

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 103; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 257.

ное с точки зрения временной перспективы, употребляющееся в разных стилях речи и сферах. Особенности кочевой жизни калмыков обусловили универсальность *хээсн*: в нем попеременно варили мясо, чай, гнали араху. Понятийное содержание концепта: многофункциональный предмет посуды, реализующий как утилитарную, социальную, так и культурную функции.

Анализ образного компонента

Будучи главным, универсальным предметом, в котором готовилась пища, *хээсн* 'котел' занимал центральное место в хозяйственной системе калмыков-скотоводов. В кочевом быту предпочтение отдавалось прочным материалам: дереву, коже, чугуну, не использовались легко бьющиеся предметы, стеклянная, керамическая посуда.

Рассмотрим характерные признаки *хээсн* 'котел' путем лексико-семантического и контекстуального анализа обозначений концепта. Важным признаком этого вида сосуда является материал — чугун, обеспечивающий его прочность, долговечность и устойчивость. Чугунный котел обозначается словосочетанием *цө хээсн* или одним словом *хээсн* 'котел'. По форме дна выделяются котлы с плоским дном — *бэкрсн* (*бакрсн*)¹ и котлы с глубоким дном — *тавг хээсн*².

Следующим признаком *хээсн* 'котла' является размер, как правило, большой, который обозначается словосочетанием *ик хээсн*. Большой объем котла позволял готовить значительное количество пищи, что было необходимо как для семьи, так и при коллективной трапезе на мероприятиях с участием большого количества гостей. Большие котлы были в хурулах (буддийских храмах) и у состоятельных владельцев. Например, в хурульных кухнях имелись котлы, вмещавшие «ведер по пятнадцать воды» (Смирнов, 1999: 65), в которых готовилась пища во время религиозных служб. Так, в праздник *Гал-таяху* 'жертвоприношение огню' в кибитке главы семейства в большом котле варили целого барана. Затем одну часть сваренного мяса «сжигали на огне, остальную съедали только родственники» (там же: 50).

Большой размер котла является важнейшим признаком, поскольку он обуславливает ценность предмета в культуре калмыцкого народа как символа единения, коллективного участия в трапезе, в знаковых мероприятиях. Наблюдается перенос по типу: размер котла → количество вмещаемой в нем пищи → количество людей, объединенных участием в коллективной трапезе.

В фольклорных текстах осмысливаются характерные признаки *хээсн* 'котел', при этом используются зооморфные метафоры. Так, в загадках осмысливается такой признак котла, как черный цвет: *хар үкр өөд халэж, хамг амтн түүг халэж (хээсн)* 'черная корова вверх смотрит, все люди на нее глядят (котел)'³, *хар ноха хам гиж, хамг амтн түүг халэж (хээсн)* 'черная собака вдруг все схватила, все люди удивленно наблюдали это (котел)'⁴. Предметом описания в загадках, кроме цвета, является размер котла: *эндэс ирсн элүн хар, тендэс ирсн телү хар, дунднь бээсн дуукр цаһан, зарһ кедг шарһ цаһан (хээсн, тулһ, һал, давсн)* 'отсюда — огромный черный, посередине — игривый белый, вершащий суд — желто-белый (котел, таган, огонь, соль)'⁵. В загадках с помощью зооморфных метафор описывается внешний вид данного предмета: *царин дүңгэ гестә, царцахан дүңгэ һуйта (хээсн)* 'живот как у вола, ляжки как у саранчи (котел)'⁶. В некоторых случаях через сравнение цвета и содержимого котла создается образ насекомого: *хаалһин хажуд хар хээсн буслж бээнә (шорһлжһна үр)* 'на обочине дороги бурлит черный котел (муравейник)'⁷. Приведенные примеры свидетельствуют об участии данного предмета

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 46; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 126; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 280.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

³ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП "Джангар"», 2007. С. 732.

⁴ Там же. С. 741.

⁵ Там же. С. 734.

⁶ Там же. С. 732.

⁷ Там же. С. 771.

в образном осмыслении окружающей действительности, специфика которого связана со скотоводческим занятием кочевников и природной средой степняков. Наблюдаем переход от осмысления предмета обихода к абстрактному образному осмыслению окружающей действительности.

В быту калмыков были предметы, которыми пользовались при приготовлении пищи в *хэасн* 'котле'. Это: *ең* 'ковш', 'черпак'¹, *төкиш* 'большой ковш', 'черпак'², *шанһ* 'половник'³, *шүр* 'сито (употребляется для процеживания калмыцкого чая)'⁴, *хэасна бүркэсн* 'крышка котла'⁵, *шүр шанһ* 'шумовка'⁶ и т. д. Предметы изготавливались из дерева.

«Хэаснднь модн бүркэсн бээдг, модн шанһ, ухрмуд урн күн ухуһар моднас зорад кезь авдг, халун хэасн тээдг модн хурвлжн тэвцтэ. Цээһн шүүрэр, эс гиж кевкүрэр шүүһэд ташр шүүрт хавлгдсн цээһин шариг шахад, үлдсн шүүсинь цээһүр кехин төлө шахлур гихэд бээдг. Үмснд булж, хальмг һуйр болһдг хойр тээвэ бээдг. Цээһн хэасндан чанчкад, домбд шүүһэд кедг бээж, домбасн тегэд ааһстан кеһэд уудг»

‘У котла была деревянная крышка, использовались деревянная поварешка, ложки, которые мастера делали из дерева, треугольная подставка для горячего котла. Чаинки выбирали ситом или шумовкой, отжимали их, а для выливания чая, полученного после выжимания чаинок, использовали *шахлур* — отжимку. Были две сковородки для выпекания в золе калмыцких лепешек. Сваренный в котле чай наливали в высокий чайник, из которого потом чай разливали по пиалам’ (Амулакова, 2013: 14; перевод Т. С. Есеновой. — Авт.).

Эти предметы частого использования так же осмыслены в фольклоре калмыков. Так, например, в загадках встречается *хэасна бэрүл* ‘ухват для котла’ (*хар хахан өргн дуту* ‘у черной свиньи подбородок короткий’⁷), *бэрүл* ‘прихватки для котла’ (*иргд ишкэ кевтнэ* ‘у нижней части юрты лежит кусок кошмы’, *иргд хойр дөрвлжн ишкэ кевтнэ* ‘у нижней части юрты лежат две четырехугольные кошмы’⁸), *хавхг* ‘затычка для котла’ (*хар хуцин толһа деер харада шовун сууж* ‘на голове черного барана сидит птица-ласточка’, *байн күүнэ нутг деер бэ хоңһр сөөлһэтэ* ‘в месте кочевки богача привязан сторожевой соловей’, *һалын өөр һэргтэ күүкн* ‘у огня — глупая девушка’⁹), *амсур* ‘волосная кисточка для пробы араки’ (*хамг эмтн күрш уга һазрт эврэкэ делдң күрч* ‘куда не доберется ничто живое, туда долетит бабочка — вислокрылка’¹⁰). Процесс приготовления пищи в котле описывается через образ черной собаки: *хар ноха хам гиж, хамг эмтн түүг хэлэж* ‘черная собака вдруг все схватила, все люди удивленно наблюдали это’¹¹. Процесс варения араки изображается в загадке как пейзажная зарисовка с использованием орнитологического образа: *жи гидг холд усн тогтсинь үзүв, жирнтин цаһан ташуд шовун суусинь үзүв (эрк нерх, оңһид ус кех, хавхг)* ‘наблюдал, как на реке Джи устоялась вода, видел, как на косогоре Джирнт уселась птица (перегонять араку, наливать воду в колоду, затычка для котла)’¹².

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 128; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 281.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 130; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283.

³ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 285.

⁴ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 285.

⁵ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 129.

⁶ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 285.

⁷ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. С. 734.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 735.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 741.

¹² Там же. С. 750.

Обратим внимание на присутствие в текстах фольклора образов животных (*хар хаха* ‘черная свинья’, *хар хуц* ‘черный баран’, *хар ноха* ‘черная собака’), элементов кочевой жизни (*ишкэ* ‘кошма’, *нутг* ‘стойбище кочевника’), через которые осмысливаются предметы посуды. В загадках используется прием метонимии: колористический признак (черный цвет) замещает целый предмет.

Итак, языковой материал свидетельствует о подробном осмыслении калмыцким языковым сознанием образа *хээсн*, при этом используются зооморфные метафоры, орнитологические образы, предметы кочевого быта; устойчивой метафорой является черный цвет.

Для определения представления о *хээсн* наших современников были изучены мини-сочинения на тему «*Хээсн тускар санхла, ухандм орна...*» ‘Когда я думаю о котле, я представляю себе...’

Приведем фрагменты некоторых эссе.

«*Миниһар болхла, хээсн — хальмг цэ буслһдг сав. Гер болһнд тиим хээсн бээнэ. Хальмг цэ чандг хээсн талдан, ик биш сав. Хээснд 2 литр ус кечкэд, деерин үс кеһэд, давс тэвэд, тослад, буслһад, самрад болһдв. Мини хээсн төмр, гишкн, уһаахт сэн*»

‘По-моему, *хээсн* — это посуда для приготовления калмыцкого чая. В каждом доме есть такие кастрюли. Для калмыцкого чая есть специальная кастрюля, небольшого размера. В кастрюлю наливаю 2 литра воды, добавляю молоко, масло, сою, кипячу, перемешиваю, и чай готов. Моя кастрюля железная, легкая, хорошо мыть’ (К. А., жен., 49 лет, учитель);

«*Манаад олн зүсн хээсдүд бээнэ. Ик хээснд халун хот чандув, махта хот болну, дотр болну тиим хот кехт хээсн сэн сав. Харсн өдрэн темдкхлэ олн күн хурна, күүкн, герин эзнтәһән, көвүтәһән, күүкнтәһән ирцхәнэ, худ эмгн чигн ирнэ, тиигэд гер дүүрнэ. Дала хот кех кергтә. Хээс дүүргэд хөөнә мах чаннав. Манахс цуһар махсг. 2 кило мах ик гидг хээснд чандв. Хээснд махн бурд гихэд буслхла, боднцг тэвэд, хуйртаһар махан буслһдв. Хальмг цәһән оңдан хээснд чандв. Бас ик хотта цәһин хээсн бээнә*»

‘У нас много разных кастрюль. В большой кастрюле готовлю горячую пищу, такая кастрюля для приготовления мясных ли блюд, для *дотура* ли подходит. Когда отмечаю день рождения, собирается много народу, дочь с мужем, с сыном, с дочкой приходят, сваха тоже может прийти, так собирается полный дом народа. Надо много еды готовить. Варю полную кастрюлю баранины. Наши все — любители мяса. Варю два килограмма мяса в большой кастрюле. Когда в кастрюле мясо начинает закипать, кладу картошку, лапшу, и все продолжает кипеть. Калмыцкий чай варю в другой кастрюле. Есть еще большая кастрюля, специальная для варки чая’ (С. А., женщ., 67 лет, пенсионерка);

«*Кезәнә цагт хальмг улс нег хээснд цэ чигн, махта хот чигн чандг бәәж. Һал деер цө хээсэн нердг бәәж. Һал болхла ишкә герин тал дунд бәәдг. Һал болн хээсн залһадата: һал уга болхла хот кәж болиго, хээсн уга болхла бас хот кәж болиго. Тиигэд чигн, һалан хадһл гиж хальмгуд келдг, хээсэн хадһл гиж бас келж болжана. Юңгад гихлә, хот чандг сав тертн, дотрнь хот бәәдг сав, тиим болхла, хээсн бәәхлә, гер-бүлин әмтн хотта-хоолта, эрүл-дорул болх. Хээсн герин эрүл-дорулин темдг. Хальмг улс тиигж санад, хээсэн цеврәр бәәрдг бәәж, хээсн — өлзәтә юмн гиж тоолдг*»

‘В давние времена калмыки в одном котле и чай, и мясо варили. Чугунный котел ставили на огонь. Очаг был посередине кибитки. Огонь и котел связаны между собой: если не будет огня, нельзя приготовить пищу, если не будет котла, тоже нельзя приготовить пищу. Поэтому-то калмыки говорят: “береги огонь”, “береги котел” — тоже можно сказать. Почему? Это посуда для приготовления пищи, емкость, куда кладут пищу, если есть котел, то домочадцы будут с едой, будут здоровы. Котел — это показатель благополучия дома. По этой причине калмыки держали котлы в чистоте, считали котел счастливым предметом’ (Д. Н., муж. 65 лет, педагог).

Материалы эссе показывают, что многие респонденты слово *хээсн* считают обозначением кастрюли. Только люди старшего возраста, знатоки этнографии и лингвокультуры калмыков, в своих интервью демонстрируют знание семантики слова *хээсн* ‘котел’ и понимание значимости *хээсн* в жизни народа. В ответах прослеживается понимание функции предмета в быту (приготовление мясных блюд и чая) и культуре (связь с очагом/огнем, маркер благополучия; связь содержимого *хээсн* с жизнедеятельностью человека). Однако респонденты не пишут об участии *хээсн* в приготовлении молочной водки. Эта важная функция предмета, позволяющая оценивать его как значимый элемент культуры, не называется современниками. В эссе отмечается функциональная дифференциация кастрюль для чая и для остальных блюд, кочевым прошлым народа объясняется универсальность предмета, его материал. Сказанное позволяет считать, что в сознании современных носителей

калмыцкой лингвокультуры *хээсн* — это кастрюля, предназначенная для приготовления калмыцкого чая (небольшого объема), мясных и других жидких блюд (большого размера), что указывает на трансформацию образной составляющей концепта.

Итак, в калмыцком языке концепт *хээсн* образует своеобразную концептосферу, в которую входят предметы, связанные с *хээсн*: *енг* 'ковш', 'черпак', *шүр шанһ* 'шумовка', *төкш* 'большой ковш', 'черпак', *шанһ* 'половник', *шүр* 'сито (употребляется для процеживания калмыцкого чая)', *хээснэ бүркэсн* 'крышка котла', *амсур* 'волосая кисточка для пробы араки', *хавхг* 'затычка для котла', *хээснэ бэрүл* 'ухват для котла' и др. Как и *хээсн*, в ходе использования эти предметы получили образное осмысление в культуре.

Перцептивный образ *хээсн*: большой, устойчивый, черный, чугунный многофункциональный предмет для приготовления молочного чая, мяса, араки. Образный компонент концепта раскрывается через метафоры «цвета» и «размера». Черный цвет *хээсн* указывает на связь предмета с огнем, а через очаг — с сакральным пространством жилища; размер *хээсн* указывает на количество пищи, а через него — на функцию единения, коллективизм калмыков (фото 2).

Фото. 2. Хээсн 'котел' в сельском быту калмыков. Фото Т. С. Есеновой, 2026 г.
Photo. 2. Khääs 'cauldron' in the rural life of the Kalmyks. Photo by T. S. Esenova, 2026.

Нашими современниками *хээсн* понимается как кастрюля, за которой закреплена функция приготовления молочного чая и разных блюд; не отмечается функциональная универсальность предмета. Как этнографическое прошлое расценивается участие *хээсн* в приготовлении молочной водки.

Анализ ценностного компонента

Аксиология концепта *хээсн* основана на его функциональных и перцептивно-образных признаках и реализуется через систему устойчивых оппозиций и метафор, раскрывается в ходе рассмотрения места *хээсн* в этнокультуре калмыков, в обычаях, в характеристике человека.

Значимость *хээсн* 'котла' в миропонимании калмыков обусловлена его центральным положением в пространстве жилища (фото 3). Котел размещался над очагом, который находился в центре кибитки и являлся сакральным местом домашнего пространства (Душан, 2016; Ользеева, 2003; Жуковская, 2002; Болдырева, 2009; Шараева, 2019; Эрендженев, 1980; Эрдниев, 1985). Поэтому символика котла тесно связана с огнем/очагом. В загадках эта связь передается через метафорические образы, например: *Улан үкр хар үкриг долаж* 'Красная корова облизывает черную корову'¹, где огонь и котел осмысливаются как взаимодействующие сущности. В представлении степняков, котел мыслится посредником между огнем и пищей: в котле готовится пища, необходимая для поддержания жизни. Таким образом, котел включается в культурную модель, объединяющую огонь, пищу и жилище.

Хээсн 'котел' участвует в характеристике человека, его социальной оценке. Такие характеристики *хээсн*, как размер, наполненность, внешний вид, могут интерпретироваться как показатели

Фото. 3. *Хээсн* 'котел' в традиционном жилище калмыков. Фото Т. С. Есеновой, 2016 г.
Photo. 3. *Khääs* 'cauldron' in the traditional Kalmyk dwelling. Photo by T. S. Esenova, 2016.

¹ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. С. 733.

статуса и личностных качеств человека. Сказанное прослеживается в особом виде малого жанра калмыцкого фольклора — триадах, в которых участвует *хар хээсн* 'черный котел'. *Хурвн хар* 'три черных': *Хар хээснн йорал хар, хармч экнрин хар хар, хар саната седкл хар* 'У черного котла дно черное, у скупой женщины руки черные, у злого человека думы черные'¹, *Харалч күмни санан хар, хармч күмни хар хар, хар хээснн йорал хар* 'У проклинающего мысли черные, у скупого руки черные, у закопченного котла дно черное'².

На общность признака «черный цвет» указывают и изречения о *дөрвн хар* 'четырёх черных': *Деегүр нисхэс керэ хар, дөрвн көлтэхэс хаха хар, хээр угаһас седкл хар, хээснн йоралын кө хар* 'Из летающих ворона черная, из четвероногих свинья черная, у жестоких душа черная, у котла на дне сажа черная'³. В приведенных примерах черный цвет котла переносится на характеристику человека, обозначая такие негативные качества, как скупость и злонамеренность, т. е. черный цвет котла становится основой для негативной моральной оценки человека.

В фольклорных текстах осмысливается и такой признак котла, как «пустота/наполненность» для оценки социальной состоятельности человека. Анализ фольклорного материала позволяет считать, что в калмыцкой лингвокультуре образ пустого котла имеет негативную оценку, т. к. ассоциируется с бедностью, недостатком ресурсов и нарушением социальных норм, прежде всего норм гостеприимства. Наиболее емко эта семантика выражена в триадах о *хурвн хоосн* 'трех пустых': *Усн уга хол хоосн, экн уга толһа хоосн, хот уга хээсн хоосн* 'Река без воды пуста, голова без ума пуста, котел без пищи пуст'⁴. Структура триады основана на смысловом сопоставлении природного, антропологического и бытового планов: река — голова — котел. Пустой котел включается в ряд образов недостаточности, где утрата содержания равнозначна утрате сущности.

Первый компонент пословицы — *усн уга хол хоосн* 'река без воды пуста' — задает наиболее общий план осмысления пустоты: река мыслится не просто как географический объект, а как водный поток. Именно вода составляет сущностное наполнение реки: если воды нет, река перестает выполнять свою природную функцию: не поит, не связывает пространство, не поддерживает жизнь. Следовательно, пустота здесь понимается как отсутствие содержания. Во второй части — *экн уга толһа хоосн* 'голова без ума пуста' — голова обозначает не только часть тела, но иместилище разума. Голова без ума столь же функционально несостоятельна, как река без воды. В этой части пословицы пустота получает не просто онтологическое, но и оценочное значение: отсутствие содержания равносильно человеческой неполноценности в социальном и нравственном отношении. Третий компонент — *хот уга хээсн хоосн* 'котел без пищи пуст' — приобретает еще более глубокий смысл. По аналогии с рекой без воды и головой без ума, котел без пищи лишается своего сущностного наполнения: его назначение — варить, бытьместилищем пищи, но без еды *хээсн* утрачивает свою ценность. Значит, пустой котел означает, что в доме нечего варить, нечем кормить семью и гостей, следовательно, нарушается нормальный ход жизни; пустой котел становится символом не только бедности, но и хозяйственного, социального и нравственного неблагополучия хозяина дома.

Анализ приведенных примеров позволяет считать, что *хээсн* в калмыцком языковом сознании вышел за пределы предметного значения котла и функционирует как носитель аксиологических смыслов, маркируя моральный облик человека, его социальную состоятельность.

Как показано выше, в калмыцкой лингвокультуре выделяется бинарная оппозиция «пустой котел/полный котел». В фольклорных контекстах встречаются выражения, связанные с приготовлением в котле мяса или наличием большого количества пищи, что указывает на представление о котле какместилище изобилия: *орад ирдэ болхнь, харм ик хээсн нерэ́та ба́эна* 'входят, а там стоит наготове огромный котел' (Тодаева, 1976: 453). В данном примере акцент делается на размере котла (*ик* 'большой') как маркере достатка: большой котел предполагает приготовление большого количества пищи, что, в свою очередь, связано с представлением о богатом хозяине или готовности накормить большое количество гостей. В эпическом дискурсе подобные детали с участием *хээсн* характеризуют пространство как благополучное и изобильное, например, маркируют сказочную страну *Бумбу*.

¹ Там же. С. 816.

² Там же. С. 817.

³ Там же. С. 826.

⁴ Там же. С. 818.

В фольклорных текстах часто говорится о том, что в котле варят мясо, готовят чай, а затем пища распределяется между участниками трапезы. Такие описания указывают на коллективный характер потребления пищи: котел «кормит» не одного человека, а группу, прослеживается функция котла «быть средством единения людей». Следовательно, полный котел символизирует не только богатство, но и щедрость, возможность поделиться пищей, что является важным аспектом социальной жизни.

В этом смысле одним из показательных примеров является строка из эпоса «Джангар»: *хойр хээсн махнд эс цаддг...* «двумя котлами мяса не наедаются»¹. В данном контексте *хээсн* «котел» является мерилем богатства и изобилия: чем больше котлов, тем выше достаток.

В ряде фольклорных текстов изобилие может выражаться через количественное накопление образов, связанных с котлом. Так, упоминание нескольких котлов, большого количества пищи или непрерывного процесса приготовления пищи создает представление об избыточности, является признаком богатства. В подобных случаях *хээсн* «котел» становится не простоместилищем, а мерилем изобилия. Кроме того, наполненность котла может рассматриваться как показатель «правильности» ведения домашнего хозяйства. Если пустой котел свидетельствует о нарушении нормального порядка, то полный котел, напротив, указывает на соблюдение традиционного уклада: есть скот, в котле готовится пища, поддерживается огонь, обеспечивается жизнедеятельность членов семьи.

Важным аспектом является и качественная характеристика пищи. В калмыцкой культуре особую ценность имеет мясная пища, поэтому полный котел, наполненный мясом или жирным бульоном (*хээсэр дүүрң шолн* «полный котел бульона»²), становится символом высокого уровня благополучия. Это объясняется тем, что мясо в кочевом хозяйстве является основным, но не всегда избыточным ресурсом, и его изобилие указывает на материальную обеспеченность дома.

Таким образом, в оппозиции «пустой котел/полный котел» вторая часть представляет норму. Как показано выше, в калмыцкой лингвокультуре *хээсэр дүүрң* «полный котел» содержит несколько важных смыслов: наличие пищи, состоятельность хозяина, гостеприимство, щедрость и соответствие нормам традиционной жизни. В совокупности эти значения формируют устойчивое положительное представление о *хээсн* «котле» как символе благополучия, изобилия и социальной гармонии. Значит, *хээсн* «котел» является не просто предметом посуды, но ключевым индикатором ценностных ориентиров калмыцкого социума, будучи включенным в систему критериев, по которым оценивается человек в калмыцком обществе.

На основании проведенного анализа можно считать, что аксиологический компонент концепта *хээсн* «котел» — значимый элемент картины мира калмыков. В калмыцкой лингвокультуре высоко оценивается *хээсэр дүүрң* «полный котел» — символ благополучия, достатка, щедрости, гостеприимства, хозяйственной состоятельности человека. *Хоосн хээсн* «пустой котел» толкуется как знак бедности, негостеприимства, социальной неполноценности хозяина; через черный цвет котла негативно оценивается моральный облик человека.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в калмыцком языке концепт *хээсн* «котел» имеет разнообразные обозначения (*тэңг, бэкрсн, бакрсн, лоңх цө хээсн, тавг хээсн*), именем концепта является существительное *хээсн*, не имеющее ограничений в дистрибуции. Понятийное содержание концепта: многофункциональный предмет посуды, реализующий как утилитарную, социальную, так и символическую функции. Образная составляющая *хээсн*: большой, устойчивый, чугунный, черный, универсальный предмет для приготовления молочного чая, мяса, араки. Ценностный компонент *хээсн* «котел»: значимый элемент картины мира калмыков, пространственно связанный с очагом, сакральным местом жилища. В калмыцкой лингвокультуре высоко оценивается *хээсэр дүүрң* «полный котел» — символ благополучия, достатка, щедрости, гостеприимства, хозяйственной состоятельности человека. *Хоосн хээсн* «пустой котел» понимается как знак бедности, негостеприимства, социальной неполноценности хозяина; через черный цвет котла негативно оценивается мораль-

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 624.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 344.

ный облик человека. Значит, концепт *хаасн* является культурным знаком, в котором отражаются базовые представления калмыков о жизни, пище и социальной норме.

Перспективы исследования мы связываем с дальнейшим анализом предметных концептов лингвокультур народов Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амулакова, Б. Э. (2013) *Өөрд-хальмгин сойлын үндснн заңшл* [Традиционная культура калмыков]. Элиста : Изд-во Калм. ун-та. 123 с. (На калм. яз.).
- Бадмаев, А. А. (2005) *Традиционная утварь бурят в XIX — начале XX в.* Новосибирск : Наука. 204 с.
- Болдырева, В. М. (2009) Эркетеневские калмыки: субэтнические особенности культуры (на материале ритуала жертвоприношения огню) // *Известия Алтайского государственного университета*. № 4. С. 21–26.
- Воркачев, С. Г. (2004) *Счастье как лингвокультурный концепт*. М. : Гнозис. 236 с.
- Душан, У. Д. (2016) *Избранные труды*. Элиста: КИГИ РАН. 376 с.
- Есенова, Г. Б., Есенова, Т. С. (2025) Концепт *aah* 'пиала' в лингвокультуре калмыков // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 417–435. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>
- Житецкий, И. А. (1893) *Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.)*. М. : Типография М. Г. Волчанинова. 87 с.
- Жуковская, Н. Л. (2002) *Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика*. М. : Восточная литература. 274 с.
- Карасик, В. И. (2002) *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Карасик, В. И. (2009) *Языковые ключи*. М. : Гнозис. 405 с.
- Красавский, Н. А. (2001) *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград : Перемена. 495 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Мулаева, Н. М. (2018) О некоторых наименованиях посуды и кухонной утвари в калмыцком языке (на материале «Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»») // *Монголоведение*. Т. 10. № 2. С. 145–165. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2018-13-145-165>
- Ользеева, С. З. (2003) *Калмыцкие обычаи и традиции*. Элиста : АПП «Джангар». 256 с. (На калм. и русск. яз.)
- Рассадин, В. И. (2017) Общемонгольская лексика по разделу интерьер, домашняя утварь и посуда в халхаском, бурятском и калмыцком языках // *Вестник Калмыцкого университета*. Вып. 33 (1). С. 97–101.
- Слышкин, Г. Г. (2004) *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Волгоград : Перемена. 340 с.
- Смирнов П. (1999) *Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 247 с.
- Степанов, Ю. С. (2004) *Константы. Словарь русской культуры*. 3-е изд. М. : Академический проект. 992 с.
- Степанов, Ю. С. (2007) *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. М. : Языки славянской культуры. 246 с.
- Тодаева, Б. Х. (1976) *Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар»*. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 529 с.
- Толстой, Н. И. (1995) *Язык и народная культура*. М. : Наука. 512 с.
- Трофимова, С. М., Мухаринов, В. М. (2025) Названия посуды для приготовления молочной пищи в халхалмонгольском, бурятском и калмыцком языках с привлечением тюркского материала // *Вестник Калмыцкого университета*. № 3 (67). С. 107–115.
- Шараева, Т. И. (2019) «Живите в благоденствии!» (к вопросу об обрядах введения невесты в свадебной обрядности у калмыков) // *Монголоведение*. № 4. С. 862–887.
- Эрдниев, У. Э. (1985) *Калмыки: историко-этнографические очерки*. 3-е изд. Элиста : Калм. кн. изд-во. 282 с.
- Эрендженов, К. Э. (1980) *Цецн булг* [Родник мудрости]. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во. 188 с. (На калм. яз.).
- Sharifian, F. (2011) *Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical Framework and Applications*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. 238 p.

Sharifian, F. (2017) *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. 171 p.

Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, Culture, and Cognition*. Oxford : Oxford University Press. 487 p.

Дата поступления: 02.04.2026 г.

Дата принятия: 30.04.2026 г.

REFERENCES

- Amulakova, B. E. (2013) *Traditional culture of the Kalmyks*. Elista, KalmSU Publ. 123 p. (In Kalm.)
- Badmaev, A. A. (2005) *Traditional utensils of the Buryats in the 19th and early 20th centuries*. Novosibirsk, Nauka. 204 p. (In Russ.)
- Boldyreva, V. M. (2009) The Erketenev Kalmyks: subethnic features of culture (based on the ritual of sacrifice to fire). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 21–26. (In Russ.)
- Vorkachev, S. G. (2004) *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow, Gnozis. 236 p. (In Russ.)
- Dushan, U. D. (2016) *Selected works*. Elista, KIGI RAN. 376 p. (In Russ.)
- Esenova, G. B. and Esenova, T. S. (2025) The concept *aah* 'bowl' in the linguoculture of the Kalmyks. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 417–435. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>
- Zhitetskiy, I. A. (1893) *Essays on the everyday life of the Astrakhan Kalmyks (ethnographic observations of 1884–1886)*. Moscow, Tipografiya M. G. Volchaninova. 87 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya, N. L. (2002) *Nomads of Mongolia: culture, traditions, symbolism*. Moscow, Vostochnaya literatura. 274 p. (In Russ.)
- Karasik, V. I. (2002) *The linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ.)
- Karasik, V. I. (2009) *Linguistic keys*. Moscow, Gnozis. 405 p. (In Russ.)
- Krasavskiy, N. A. (2001) *Emotional concepts in German and Russian linguocultures*. Volgograd, Peremena. 495 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural concepts: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Mulaeva, N. M. (2018) On some names of tableware and kitchen utensils in the Kalmyk language (based on "The explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic 'Dzhanggar'"). *Mongolovedenie*, vol. 10, no. 2, pp. 145–165. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2018-13-145-165>
- Olzeyeva, S. Z. (2003) *Kalmyk customs and traditions*. Elista, APP "Dzhangar". 256 p. (In Kalm. and Russ.)
- Rassadin, V. I. (2017) Common Mongolic lexis in the field of interior, household utensils and tableware in Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, issue 33 (1), pp. 97–101. (In Russ.)
- Slyshkin, G. G. (2004) *Linguocultural concepts and metaconcepts*. Volgograd, Peremena. 340 p. (In Russ.)
- Smirnov, P. (1999) *Travel notes on the Kalmyk steppes of the Astrakhan province*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 247 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants. A dictionary of Russian culture*. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 246 p. (In Russ.)
- Todaeva, B. Kh. (1976) *An attempt at a linguistic study of the epic "Dzhanggar"*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 529 p. (In Russ.)
- Tolstoy, N. I. (1995) *Language and folk culture*. Moscow, Nauka. 512 p. (In Russ.)
- Trofimova, S. M. and Mukharinov, V. M. (2025) Names of vessels for preparing dairy food in Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages with reference to Turkic material. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 3 (67), pp. 107–115. (In Russ.)
- Sharaeva, T. I. (2019) "Live in prosperity!" (on the rites of introducing the bride in Kalmyk wedding ritual). *Mongolovedenie*, no. 4, pp. 862–887. (In Russ.)
- Erdniev, U. E. (1985) *The Kalmyks: historical and ethnographic essays*. 3rd ed. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 282 p. (In Russ.)

- Erendzhenov, K. E. (1980) *Spring of wisdom*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 188 p. (In Kalm.)
- Sharifian, F. (2011) *Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical Framework and Applications*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins. 238 p.
- Sharifian, F. (2017) *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins. 171 p.
- Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, Culture, and Cognition*. Oxford, Oxford University Press. 487 p.

Submission date: 02.04.2026.

Acceptance date: 30.04.2026.